

Рихтер Рауль Герман Михаель

Скептицизм в философии

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р25

Р25 **Рауль Герман Михаэль Р.**
Скептицизм в философии: Том 1 / Рихтер Рауль Герман Михаэль – М.: Книга по Требованию,
2023. – 460 с.

ISBN 978-5-519-80797-5

ISBN 978-5-519-80797-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

W 243
БИБЛИОТЕКА
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФІИ
ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ

ф 1 V.
13121

Рауль Рихтеръ.

СКЕПТИЦИЗМЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Переводъ съ нѣмецкаго В. Базарова и Б. Столпнера.

ИЗД. „ШИПОВНИКЪ“ СПБ.

1910.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Работа Рауля Рихтера „Skeptizismus in der Philosophie“, первый томъ которой мы предлагаемъ въ нашемъ переводѣ русскому читателю, преслѣдуетъ, говоря словами автора, не „историческую“, а „систематическую“ задачу. Не описаніе фактически существовавшихъ скептическихъ теорій составляетъ цѣль автора, а выясненіе той роли, которую скептицизмъ игралъ, играетъ и по существу своему призванъ играть въ философіи.

Само собою разумѣется, устанавливая философское значеніе скепсиса, авторъ не могъ не высказать и своихъ собственныхъ философскихъ убѣжденій,—но не въ этомъ центрѣ тяжести настоящаго труда, не въ этомъ его главный интересъ. Позиція, занимаемая Рихтеромъ въ теоріи познанія и метафизикѣ, должна, конечно, встрѣтить далеко не одинаковое отношеніе къ себѣ со стороны представителей различныхъ философскихъ школъ, и сами переводчики не были бы вполне единодушны въ ея оцѣнкѣ; несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что позиція эта не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что нѣмцы называютъ *erschermachend* или *bahnbrechend*. Оригинальность и философская значительность сочиненія Рауля Рихтера заключается не въ рѣшеніи, а въ постановкѣ проблемы, не въ окончательныхъ выводахъ, а въ томъ пути, каковымъ онъ къ нимъ подходитъ.

Существуетъ немало цѣнныхъ историческихъ монографій о скептицизмѣ; еще болѣе многочисленны критическія работы, посвященные разбору скепсиса съ той или другой догматической точки зрѣнія; но, какъ это ни странно, въ всей богатѣйшей философской ли-

тературѣ нашего времени нѣтъ, за исключеніемъ труда Рихтера, ни одного изслѣдованія, которое поставило бы своей задачей разсмотрѣть всѣ догматическія точки зрѣнія, исходя изъ скепсиса какъ отправного пункта, которое попыталось бы дать картину развитія и современнаго состоянія философской мысли въ такомъ разрѣзѣ. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что для огромнаго большинства современныхъ философовъ разнообразнѣйшихъ направленій самый вопросъ о „систематическомъ“ значеніи скепсиса не существуетъ, является неправильно поставленнымъ. По ходячему воззрѣнію, „скептицизмъ въ философіи“ призванъ играть исключительно роль пугала или пьянаго илота: скептицизмъ — это могила, это самоубійство философской мысли; доказать, что извѣстная теорія приводитъ къ скептицизму—значить ее опровергнуть и лишить всякаго философскаго значенія. Въ качествѣ единственнаго аргумента, подкрѣпляющаго этотъ *horror skepticismi*, изъ книги въ книгу, изъ статьи въ статью перекочевываетъ слѣдующее краткое разсужденіе; „чистый скептицизмъ самъ уничтожаетъ себя, пытаясь установить въ формѣ общезначимаго сужденія невозможность общезначимыхъ сужденій“. Какъ увидить читатель настоящей книги, это мнимое опроверженіе скептицизма было очень удовлетворительно опровергнуто скептиками уже въ античныя времена,—мало того, оно, строго говоря, даже и не заслуживаетъ возраженія, ибо какъ разъ чистаго, до конца доведеннаго и вполне послѣдовательнаго скепсиса вовсе не затрагиваетъ, направляя свое, далеко не смертоносное, жало исключительно противъ одной изъ формъ отрицательнаго догматизма.

Такое легкое—и прямо-таки легкомысленное отношеніе къ философскому скепсису со стороны нашихъ современниковъ, не отличающихся обыкновенно ни особенной смѣлостью, ни особенной мощью догматическаго творчества, тѣмъ болѣе знаменательно, что великіе творцы дѣйствительно смѣлыхъ и мощныхъ догматическихъ системъ зачастую смотрѣли на дѣло совершенно иначе. Такъ на примѣръ, Гегель, отнюдь не довольствуясь отвлеченнымъ отрицаніемъ или „опроверженіемъ“ скептицизма, стремился позитивно превзойти его, т. е. возвыситься надъ скепсисомъ, включивъ въ свою систему основной скептической принципъ „изосте-

ній“ (равносилыности или равноправности противоположныхъ сужденій); при этомъ то, что для скептиковъ служило главною опорою радикальнаго сомнѣнія въ познаваемости истины, стало у Гегеля необходимымъ моментомъ самораскрытія истины. Можно бытъ различнаго мнѣнія относительно того, насколько удалась Гегелю эта задача,—но всякій, давшій себѣ трудъ серьезно вдуматься въ ходъ скептической мысли, неизбѣжно придетъ къ выводу, что скепсисъ—подобно всѣмъ другимъ великимъ, но одностороннимъ философскимъ теченіямъ — или вовсе непреодолимъ; или преодолімъ только по-гегелевски, т. е. не путемъ отверженія или опроверженія, а путемъ включенія и претворенія.

Уже того, что сказано, было бы вполне достаточно, для того чтобы оправдать русскій переводъ Рауля Рихтера, который, отнюдь не будучи сторонникомъ философскаго скептицизма, спокойно и безпристрастно воздастъ по заслугамъ этой школѣ мыслителей. Но въ наше время сюда присоединяется еще специфическій интересъ текущей злобы дня. Англо-романская „прагматическая“ философія, все болѣе и болѣе привлекающая къ себѣ частью благосклонное, частью неблагосклонное, но во всякомъ случаѣ всеобщее вниманіе, въ нѣкоторыхъ своихъ теоретико-познавательныхъ взглядахъ обнаруживаетъ несомнѣнное родство съ философскимъ скепсисомъ; и какъ разъ для тѣхъ, кто относится къ этой „дѣйственной“ философіи неблагосклонно, особенно важно внимательно вдуматься въ подлинный смыслъ скептической философіи, дабы не впасть въ искушеніе расправиться со своимъ противникомъ по установившемуся шаблону, двумя-тремя претенціозно легковѣсными формулами, въ родѣ вышеприведеннаго „опроверженія“ скептицизма.

Настоящій первый томъ цѣликомъ посвященъ античному скепсису который развивался въ атмосферѣ, намъ въ значительной мѣрѣ чуждой, и оттачивалъ свое критическое оружіе въ борьбѣ съ догматическими построеніями, представляющими для насъ исключительно историческій интересъ; но Рауль Рихтеръ, вѣрный своей основной задачѣ, останавливается лишь на тѣхъ моментахъ полемики древнихъ скептиковъ съ древними догматиками, которые представляютъ непреходящій интересъ, которые волновали совре-

менниковъ Юма и волнуютъ насъ, современниковъ Ницше, не въ меньшей степени, чѣмъ современниковъ Энезидема или Аркезилая. Особенно подробное разсмотрѣніе греческаго скепсиса вполне оправдывается именно съ этой принципиально-философской, „систематической“ точки зрѣнія; если въ смыслѣ разработки отдѣльныхъ положеній и приѣмовъ аргументаціи новѣйшіе скептики такого калибра, какъ Юмъ, представляютъ огромный шагъ впередъ, по сравненію съ древнимъ скепсисомъ, то по широтѣ захвата, выдержанности и послѣдовательности древній скепсисъ, особенно Пирроновскаго толка, является до сихъ поръ никѣмъ непревзойденнымъ. Естественно поэтому, что античный скептицизмъ, при всѣхъ его погрѣшностяхъ и дефектахъ, порою прямо поражающихъ современнаго человѣка своей наивностью, остается до сихъ поръ незамѣнимымъ объектомъ для всякаго, желающаго уяснить себѣ сущность скепсиса, какъ особаго типа философскаго мышленія.

Представляя оригинальное и строго научное изслѣдованіе, книга Рихтера написана настолько популярно, что можетъ быть безъ труда прочитана интеллигентнымъ человѣкомъ, не получившимъ спеціальной философской подготовки. Что касается примѣчаній, которыя въ нашемъ переводѣ, какъ и въ нѣмецкомъ подлинникѣ, помѣщены въ концѣ книги, то, по мнѣнію самого автора (см. его предисловіе) примѣчаніе къ 3-й главѣ особенно важно для читателя, „не прошедшаго законченной философской школы“, тогда какъ примѣчанія къ 1-й и 2-й главамъ интересны преимущественно для спеціалиста. Мы, съ своей стороны полагаемъ, что очень многія изъ примѣчаній къ первымъ двумъ главамъ не лишены интереса и поучительности также и для читателей не-спеціалистовъ; въ виду этого мы сочли полезнымъ снабдить русскимъ переводомъ многочисленныя цитаты на греческомъ и др. языкахъ, приводимыя авторомъ въ примѣчаніяхъ.

Переводчики.

Сентябрь 1910 г.

Рауль Рихтеръ

Скептицизмъ въ философіи.

Томъ первый.

„Замѣьте вообще, разъ навсегда слѣдующее: какъ здѣсь, такъ и во всемъ дальнѣйшемъ ходѣ этого изслѣдованія рѣчь идетъ о **ТИПИЧНЫХЪ** мысляхъ; и было бы большою ошибкой думать, что разсматриваемые нами взгляды представляютъ нѣчто устарѣвшее, нѣчто превзойденное, — рядъ мнѣній, сохраняющихъ въ наши дни свой интересъ развѣ только съ чисто исторической точки зрѣнія, какъ пѣмятники старины, давно уже оставленной нами за собой. О **ТИПИЧНЫХЪ** мысляхъ говоримъ мы здѣсь, — о такихъ вопросахъ, которые не зависятъ отъ вѣяній времени и капризовъ умственной моды, — о тѣхъ типичныхъ возможностяхъ и типичныхъ путяхъ, которые для послѣдовательно мыслящаго, не скованнаго ни авторитетомъ, ни школьной традиціей разума одинаково открыты рѣшительно во всѣ эпохи: сегодня не менѣе, чѣмъ двадцать пять вѣковъ тому назадъ, — въ христіанской Европѣ не менѣе, чѣмъ на Іонійскихъ берегахъ Малой Азіи, въ Нильской дельтѣ, или въ долинѣ Ганга“.

(Liebmann, Gedanken und Thatsachen II, стр. 118).

